

Артур Дарра
ЭФЕМЕРНО

18+

Артур Дарра
Эфемерно

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дарра А.

Эфемерно / А. Дарра — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-93911-0

Какие тайны и силы томятся в глубинах души человеческой? И что будет, если их приоткрыть и выпустить наружу? На эти вопросы в ходе своих «нетрадиционных» экспериментов ищут ответы студент-психолог и весьма необычная представительница современности, которая начинает достигать в этом особенных успехов, переживая мощную психическую трансформацию. Но будет ли готов к таким серьёзным переменам и тотальному погружению в свой внутренний мир только ещё ученик, хоть и науки «душевной»? Справится ли он с разверзнувшейся перед ним глубиной не то человека, не то самой Вселенной?..

ISBN 978-5-532-93911-0

© Дарра А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Ухмыляющееся Исключение	6
Глава 2. Неожиданные глаза	11
Глава 3. 704	16
Глава 4. Странный месяц апрель	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Артур Дарра Эфемерно

Мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье только в ней.

И. Бунин, «Тишина»

*В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? – окровавленные плиты,
Или замураванная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.*

А. Ахматова, «Эхо»

Выглядит, будто я страдаю, да? Но, конечно, я буду страдать. Я ведь собираюсь плыть в неизведанные воды, правда? Принимать вызов и создавать что-то – это больно. Но это пробуждает чувства во мне, поэтому – спасибо!

Анимационный фильм «Твоя апрельская ложь»

*Распахни меня настезь, Жизнь,
Разбей остатки моей обороны против Тебя.
Ты великолепно укоренилась в моем отчаянии,
Ты посеяла вулканическую силу в мою уязвимость,
Даже в мои сомнения.
«Оставь надежды всяк сюда входящий»?
Конечно!
Я не боюсь оставить, я никогда не боялся!
Некогда я проходил знакомый путь «создай себя сам».
Теперь я прохожу путь благодати и разрушаю «себя»
Пением рыдающей птицы и истиной.
Я никогда не вернусь обратно!*

Джефф Фостер

Глава 1. Ухмыляющееся Исключение

Не знаю, с чего начать.

Пожалуй, не лучшая строчка, с которой начинают письмо. Прости. Впрочем, перед кем я извиняюсь? Пишу ведь для себя. И никому показывать не собираюсь.

Но, кажется, так легче – представлять, что пишу кому-то. Кому-то по ту сторону экрана ноутбука. Наверное, нужно придумать тебе имя? Хотя это уже и правда будет глупо. Просто «ты», и всё.

Тебя не существует, но всё равно как-то сложно собраться с мыслями. О чём я хочу рассказать тебе? И почему бы мне просто не обсудить это с кем-нибудь другим? Например, с реальным человеком?

Ответ прост: не с кем.

Ни одного человека, кому бы я мог поведать свою историю.

Писать тебе — вынужденное решение. По-другому уже никак. Я абсолютно одичал. Ты, вероятно, удивишься, если узнаешь, что одичал я в месте, где проживает больше миллиона человек. Но это так. Я одичал психически. И город тут ни при чём.

Тогда почему бы мне просто не навестить психолога? Не могу... Я прекрасно понимаю механизм работы с душевным специалистом. Клиент платит – психолог превращается во внимательного слушателя. Клиент не платит – психолог ни в кого не превращается. Волшебная палочка здесь – деньги. А с волшебством у меня в последнее время не очень...

С другой стороны, есть телефон доверия: звони да болтай сколько влезет о своих проблемах – никто тебя не видит, да и платить не нужно. Но и этот вариант мне не подходит. Вряд ли я смогу уложить всё, что бурлит внутри меня, в формат телефонного разговора.

Сейчас мне нужно что-то другое. Чьё-то бескорыстное соучастие. Слегка отстранённое и непринуждённое. Чтобы без лишних вопросов. Чтобы можно было спокойно и неторопливо выговориться. Впрочем, кому этого не хочется, верно? Чтобы тебя просто по-человечески выслушали. Или в моём случае – вычитали. Вот и приходится создавать такого собеседника самому. Может, всё-таки имя тебе придумать? Да нет же, глупо...

Кажется, я заболтался. Нужно возвращаться. И, наконец, рассказать о том, что тревожит меня уже пятый месяц. Однако это даже не столько тревога, сколько опустошение. Да, именно слово «опустошение» подходит лучше всего. Я стал пустым. И во мне бесследно померкли любые импульсы к прежней связи с внешним миром.

Полное опустошение.

После чего оно возникло? В этом-то мне и предстоит разобраться. Только, уверен, будет нелегко. Там, в прошлом, куда я собираюсь мысленно вернуться, всё затянулось липкой плёнкой смятения, заострилось колючей проволокой страха. Заглядывать туда даже на одно мгновение – крайне неприятно. А рассказывать кому-то другому – подавно.

Но, думаю, ты сможешь гарантировать мне конфиденциальность. Ведь тебя не существует, верно? Поэтому я рискну. Рискну собрать весь тот дурацкий и непонятный конструктор, который рассыпался внутри меня на груды крошечных частей.

Это будет непросто, хочу предупредить сразу. И прости за всё, что тебе придётся узнать обо мне. Далеко не всё будет говорить в пользу меня как высококонравственного гражданина планеты Земля. Но по-другому, пожалуй, мне не выкарабкаться из этого мрачного колодца. Колодца, в котором я застрял и дичаю с каждым днём всё усерднее. Застрял я где-то посередине: изо всех сил упёрся в холодные сырые стенки, чтобы не упасть. Подняться – никаких сил, удерживаться – теперь тоже. А внутри всё гроыхают взрывы обжигающих размышлений и переживаний, которые игнорировать больше уже никак нельзя. Ясно понимаю: единственный выход – нырять в колодец глубже.

Но если нырять, то полностью.

Без судорожных попыток ухватиться за какой-нибудь выступ. Разбиваться – так разбиваться. А иначе снова эта беспросветная толстенная скорлупа, сдавливающая меня все последние месяцы. Снова этот панцирь, удерживающий меня всё дольше и дольше в самом себе. Сколько уже можно прятаться внутри тревожного одиночества?

Нужно нырять...

Глубоко и беспощадно. И не важно, насколько тёмным окажется дно. Хуже мне всё равно уже не будет. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Ну... я прыгаю.

Ты со мной?

Всё начинается оттуда – с апреля. С этого странного месяца, что врезался в мою жизнь около полугода назад. Именно тогда я, студент-психолог предпоследнего курса, был направлен на практику в самую обычную школу. Мне полагалось на протяжении шести недель читать ученикам мини-лекции, проводить разные тесты и тренинги, обрабатывать полученные результаты, писать характеристики и рекомендации – словом, груда труда. Рутинного и никому не нужного.

В тот апрель я стоял на самом краю материальной пропасти. Полный карман надежд на спасительное будущее и абсолютное отсутствие средств справляться с настоящим. На практике, особенно в школе, тебе, конечно же, никто платить не будет – они же там не дураки. Вот и я решил плюнуть на неё с высоты своих более значимых потребностей и принялся искать хоть какую-нибудь подработку: опрашивал знакомых по общежитию, рыскал в Интернете. Подумал, что просто договорюсь со школьным психологом, курирующим практикантов, – разговаривать умею. Покажусь там пару раз, мне поставят подписи и печати в нужных бумажках – и всё. А тратить время на работу со школьниками было не по мне. Лучше уж заработать хоть какие-то деньги в эти открывшиеся шесть недель свободы от пар и тем самым выправить своё невесёлое положение.

Нет, не то чтобы мне было наплевать на учёбу. Даже наоборот. Учусь я... вернее, учился весьма достойно. Шёл на красный диплом. К моменту той самой практики я уже успел бесплатно поработать на телефоне доверия, провести несколько интересных тренингов на различных мероприятиях в университете, около двадцати довольно приемлемых индивидуальных консультаций знакомым своим одноклассникам, которые сами рекомендовали меня тем, а также пройти несколько краткосрочных дополнительных программ обучения (на что и улетала вся моя стипендия).

Так что, в каком-то смысле, психолог я был продвинутый. Даже слегка чересчур, что порой перетекало в противный мне самому снобизм и эпизодические препирательства с преподавателями. Но это было, скорее, от неуверенности в себе, поэтому я старался вовремя себя одёргивать, возвращая на путь «Греби дальше! Нет предела совершенству!».

И я грёб. Грёб, изучая что-то новое и увлекательное. Но когда на горизонте начинала мелькать практика в какой-нибудь школе, меня бросало в вялое уныние. Снова эта тягомотина! Снова эти бесконечные бумажки-бумажки-бумажки! Снова эти сумасшедшие детишки-детишки-детишки! Меня же в психологии интересовало нечто иное – *что-то более глубокое*, чем выявление поверхностных психологических особенностей учеников какой-то там средней школы. Именно поэтому, когда вновь подоспела очередная горе-практика, я собирался сделать ей ручкой.

Но не тут-то было.

«Психологи хоть и созданы помогать другим, да сами зачастую “слегка того”», – покрыв у виска, сказала здешняя учительница математики в беседе со мной.

Не спорю. В принципе, в чём-то даже согласен. Именно этим меня и привлекла психология – своей неоднозначностью. В ней я надеялся найти для себя ответы на многие личные вопросы. И ответы такие, которые не может дать ни одна из существующих сегодня наук. Разве что философия, но та какая-то уж чересчур абстрактная дама, даже для меня. А в психологии мне виделась некая утончённая, неисследованная глубина и одновременно практическая возможность разобраться с моими собственными странными *глубинами*, изучить их, обуздать и собрать все плоды с их деревьев, чтобы утолить, наконец, свой внутренний, духовный голод.

Но начав постигать эту науку, я наткнулся на жёсткие преграды: всё должно быть упорядоченным, математически просчитанным и экспериментально доказанным. Иначе это вообще не наука и серьёзно рассматриваться в университете не может. Такое чувство, что на моём факультете просто забыли, что психология – это в первую очередь наука о *душе*. Здесь же это слово фигурировало крайне редко. Будто оно просто-напросто было куда-то выброшено и благополучно забыто.

Такое положение дел меня совсем не устраивало. Но что я, бедный студентик, мог поделаться? Единственное – это я планировал в самом ближайшем будущем начать писать дипломный проект, да такой, который точно потрясёт всю преподавательскую плеяду. «Ого! И это наш студент?! Невероятно! Это ведь то, чего так ждало человечество! Ответы на все волнующие нас вопросы и проблемы!»

Но правда состояла в том, что я понятия не имел, о чём его написать. Даже при тщательном самостоятельном изучении самых разных направлений в психологии и «околопсихологии», всего многообразия предложенных ими концепций, я всё равно ни к чему конкретному и окончательному так и не пришёл. Да – неизмеримая глубина во мне находила какое-то объяснение. Да – получала какое-то название и описание. Да – выходила на какие-то *высшие* уровни, которые даже можно было прочувствовать с помощью различных глубоких дыхательных практик и даже определённых психоделиков (до того как их запретили), да... Но всё равно чего-то недоставало! Какого-то финального штриха, дающего полную картину. *Практического* штриха, а не просто концепции. Чтобы можно было крепко за него ухватиться, пропитаться им и использовать себе и всему человечеству во благо.

Но как добыть этот самый главный штрих – оставалось для меня непосильной загадкой. Сколько ни старался, я не мог выйти за установленные другими психологами рамки. Ещё и приходилось волочить скучное существование послушного студента в университете. И, как следствие, практиканта в школе: проводить избитые и на самом деле никому не нужные тестирования, просчитывать и интерпретировать их результаты, исполнять кучу поручений школьного психолога, обрабатывать и её тестовые методики, проведённые в других классах, сортировать тонну бумаг по папкам... О, пахал я только так! Ещё и захватывающей драматичной истории не получилось. Ну вообще засада.

Впрочем, из всего «9-в» со временем всё же нашлось одно исключение. Вернее, одна – не питавшая ко мне ни грамма интереса. Всегда с сочувственной ухмылкой она глядела с задней парты на своих одноклассников, когда те после какого-нибудь очередного теста, мини-лекции или упражнения оцепляли меня разными интересными вопросами. Бывало, даже открыто насмехалась надо мной – ну абсолютно не воспринимала всерьёз. И как же я на самом деле ошибался, считая вначале, что драма обошла меня стороной и что ничего интересного на этой практике мне уже не светит.

Но разве мог я тогда предположить, что именно с этого безобидного «исключения» на задней парте и начнётся самая настоящая драма в моей жизни?..

На этом месте я, к сожалению, должен завершить первую запись. Какая-то слишком мощная грусть вдруг навалилась на меня. Давно я всё-таки в прошлое не заглядывал. Думал, оно хоть чуть-чуть стёрлось, хоть чуть-чуть ослабло... Нет. Стоит живее всех живых. Дышит, пульсирует и, кажется, даже смеивается.

Думаю, ты поймёшь меня. Даже при том, что я ещё не решил, кто ты — мужского или женского пола, взрослый или юный, — но наверняка у тебя тоже имеются в памяти такие фрагменты прошлого, от вспоминания которых внутри мгновенно запускаются эмоциональные реакторы.

Грусть возникла неспроста, я знаю. Это знак, что внутри меня сидит что-то болезненное. И для встречи со всем этим требуется смелость. Я это понимаю. Осознаю. И потому никуда не денусь, не волнуйся. Не откажусь от погружения на глубину после первой же записи. Не в моих это интересах — бросать начатое. Вернее, не в моих интересах бросать начатое именно сейчас. Сейчас я нахожусь в таком положении, что исказить, перевернуть правду просто нет смысла.

Но на сегодня точно хватит.

До скорого.

Глава 2. Неожиданные глаза

Не прошло и двух недель моей практики, как объявили о родительском собрании. Вроде бы ничего особого: меня это мероприятие не касается. Но, опять же, не тут-то было. Здесь судьба наметила на меня особые планы.

– Выступишь на собрании с небольшим отчётом, хорошо? – не то предложила, не то утвердила Регина Альфредовна. Она же школьный психолог, она же мой руководитель по практике, она же виновник того, что я каждый день торчу в этом унылом месте.

– Что? Зачем?..

– Ты уже достаточно времени работаешь с «9-в», можешь дать какие-то характеристики, рекомендации. Класс-то, сам видишь, не самый простой.

– А по-моему, самый обычный класс...

– Брось, – ухмыльнулась Регина Альфредовна. – Митина чего только стоит.

– Митина... – задумчиво произнёс я. Та самая, с последней парты, которая посмеивается надо мной. Непростая персона – это факт. Чего только не вытворяла в эти дни.

– Может, уже хватит заливать про всё это? – воскликнула она однажды на весь класс. – Домой охота!

И как на это должен реагировать студент-психолог?

– Митина, пожалуйста, ты можешь идти.

Наверное, как-то так. Кто не хочет, того нам и не надо. Если заставлять, уговаривать, нравоучительно взывать к благоразумию, значит, автоматически вырабатывать у подростка раздражение и отторжение. А если держаться уверенно, спокойно, показывать, что всё это в его же интересах, то отношение может быть иным. Ключевое слово – «может».

Митина не встаёт и не уходит: игриво смотрит на меня с затаённой усмешкой. Развлекается, понимаю я, веселится. Видимо, энергия за весь учебный день, проведённый на плоском жёстком стуле, застаивается в теле, и под самый конец от неё уже буквально распирает.

– Разве я действительно кого-нибудь здесь держу? – добавил я всему классу, разведя руками и тем самым как бы показывая, что для меня это вообще не важно. – Вы люди уже взрослые, решайте сами: интересно вам узнать о себе побольше или нет. К тому же задерживаю я вас сегодня всего на тридцать минут.

– Эй, вы чё все такие тухлые! – обратилась Митина к одноклассникам. – Зачем вам эта фигня вообще сдалась? Математики, что ли, сегодня мало было? Ещё и домашки столько назадавали. Под конец учебного года совсем озверели, житья не дают! Ещё и субботниками травят. За рабов уже считают. Хор-о-ош уже! Пошлите домой! К тому же, вон, сам говорит: «Идите, не держу». Значит, можно. Поскакали!

Вот козочка. «Разве я кого-нибудь держу?» – не то же самое, что «Идите, не держу». Вырвать слова из контекста и, переиначив их на свой лад, выдать окружающим – страшное оружие. Начни я это всё сейчас ей объяснять – выглядело бы наивно-глупым, будто я волнительно оправдываюсь, к тому же не факт, что она стала бы слушать. Скорее всего, скорчила бы рожицу «Ну что ты там лепечешь, щеночек-психолог? Ну, давай-давай, у меня всё равно своё мнение, твёрдое и с изображением среднего пальца в качестве герба на нём».

Многие заметно прониклись речью Митиной: у одних выражения лиц стали задумчивыми, у других – заинтригованными открывшимися перспективами. Умела убеждать, чертовка. Ой как умела. Такой талант не часто встретишь. Он есть у меня, это я знал давно. Но то, что и она владеет им, я обнаружил только теперь.

– А долго нам ещё?.. – робко спросил меня один из учеников.

Весь класс тут же притих в ожидании ответа.

М-да. Похоже, это интеллектуально-психологическое сражение я всё-таки проигрывал. Впрочем, кто я, чтобы доказывать своё превосходство? Не хотят – не надо. Мне же проще. Хотя неприятный червячок в душе всё же оставался – банальное нежелание уступить. Психологи ведь тоже люди. Ну а студенты-психологи – тем более.

– Если оставаться не хочется, то принуждать вас не буду. – Я вернулся к столу, сложил бумаги в папку, бросил её в рюкзак и с безразличным выражением лица присел. Достав из кармана мобильный телефон, стал в нём копаться. Наугад нажимал куда ни попадя, без смысла, но с очень самодостаточным видом.

Девятиклассники замерли в замешательстве. Правда, продлилось оно недолго.

– Ну ведь сам говорит! – вновь включила вождя-освободителя Митина. – Чего здесь сидеть? Такой клёвый денёк на улице! Поскакали уже отсюда, пупсики! За мно-о-ой! – И, схватив сумку, она вскочила со своей задней парты и победоносно двинулась к двери.

Это заключительное действие стало решающим фактором в нашей «холодной войне». Весь класс, с виноватыми лицами, тихо извиняясь и прощаясь со мной, тоже побрёл к выходу. Она победила, чёрт бы её побрал. И сделала это мастерски.

– Ну так что, выступишь? – вопросительно смотрела на меня Регина Альфредовна.

Я оторвался от своих мыслей.

– Куда деваться... – произнёс я.

– Вот и отлично.

Вот и отлично...

Только ничего отличного в этом не было. Я понятия не имел, о чём говорить родителям «9-в». Выдать им результаты теста на темперамент? На коммуникабельность? На агрессивность? ЧТО ИМ ГОВОРИТЬ? Что вливать в их закалённые советским наследием уши, чтобы создать благоприятную почву для дальнейшей работы с их любимыми детишками?

Пёс его знал.

...•••

В день собрания у меня жутко разболелась голова. Трое суток я корпел над текстом. «Краткий доклад», – предупредила Регина Альфредовна. Но даже краткий доклад я делал как-то нервозно, всё время беспокоясь о мелочах. За каким дьяволом судьба привела меня в эту школу!

Собрание было запланировано на семь вечера. В полдень я вышел из общежития и отправился расклеивать объявления – работа, которой я был занят помимо практики в школе. И правда, оказалось всё так, как и гласило объявление в Интернете. За три часа я обходил достаточно большую территорию домов, клеил на околоподъездные доски бумажные листочки «Дам деньги под %» и в наушниках слушал музыку. Не самая пыльная работёнка, очень даже неплохо.

Но головная боль в этот день достигла такой силы, что пришлось закончить работу пораньше, отложив остальное на завтра. Я вернулся в общежитие, слабо пожевал макароны и выпил таблетку цитрамона. Немного поспав, стал медленно собираться. За полчаса до начала мероприятия прибыл разбитый в школу.

Это было, пожалуй, самое обычное собрание. Во всяком случае, начиналось оно именно так. Родители разместились так же, как их дети рассказываются во время уроков. Я сидел в последнем ряду, на месте Митиной, кстати. Её родитель не пришёл, и поэтому я занял этот свободный стул.

Мой выход был намечен почти на самый конец. Поэтому пока я вынужден был просто слушать речь классной руководительницы. Вот это-то и оказалось самым сложным. Невыно-

симо сложным. Около целого часа она обсуждала с родителями всякие нудные темы: от сбора денег на ремонт класса до ненавистного многим бакалавриата – формы обучения, которая в большинстве своём ожидала учеников «9-в» через два года на выходе из школы.

Я сидел и в полудрёме представлял, как вот сейчас родители вскочат, воодушевившись речами классной руководительницы, собьются в тесный кружок и настрочат массовое заявление в Министерство образования. А там, прочитав этот смелый опус, тут же потрут затылки и скажут: «Чёрт подери. Что же этого раньше-то никто не предлагал?! А ну-ка, сворачиваем дебилный бакалавриат и возвращаем всё на круги своя! Запускаем революцию в системе образования! Звони Путину! Да, прямо сейчас! Звони же! Сейчас или никогда! Сейчас или никогда, сейчас...»

– ...выступит психолог-практикант.

Странная тишина наполнила пространство. Несколько родителей, повернувшись, глядели на меня.

«Чего такое, – подумал я, заёрзав на стуле. – Уже позвонили Путину?..»

Классная руководительница из-под своих очков выжигала взглядом во мне вмятину. Вмятина на месте Митиной. Ха-ха. Бакалавр бы их всех побрал.

Всё понятно.

Мой выход...

Что было дальше, в принципе, подробно рассказывать смысла нет. Я что-то бубнил про «весьма сплочённый коллектив и несомненное присутствие стремления достойно завершить учебный год», поверхностно прошёлся по базовым характеристикам «9-в», предупредил, что работа будет продолжаться ещё четыре недели и что только в самом конце можно будет составить полноценную характеристику всего класса и каждого его ученика – и передать школьному психологу для дальнейшей работы. Если это, конечно, вообще кому-нибудь будет нужно.

Слушали неплохо, с интересом. Но были и такие, кто переговаривался о чём-то постороннем. Впрочем, ладно. Попросили выступить на мероприятии – пожалуйста, выступил. А теперь пора было заканчивать всё это безобразие.

Но так просто это безобразие заканчиваться не хотело...

Когда я уже завершал свою речь, вдруг распахнулась дверь, и в кабинет вбежала перепуганная техничка.

– Беда! – крикнула она.

Не знаю, как так получилось, но я бежал первым. Видно, просто ближе всех находился к двери. И был на ногах, в отличие от остальных. На бегу я бестолково прокручивал в голове слова технички, оставшейся далеко за моей спиной: «Провалилась!.. На первом этаже!..»

Кто провалился и куда, я так и не понял, но тут же помчался к лестнице. Должно быть, так сильно хотел завершить всё происходящее, что, как только услышал зов, бездумно сорвался с места.

Оказавшись на первом этаже, я огляделся. Пустой и тускло освещённый коридор. Сразу было видно, что все здешние кабинеты уже закрыты на «ночёвку». Ну и что? В чём проблема-то? Никого ведь нет.

Хотя...

В самом конце коридора кто-то стоял. Вернее, сидел. Или, чёрт его разберёшь, лежал.

Я быстро направился в ту сторону и в следующее же мгновение услышал доносящиеся оттуда слабые стоны. Подбежав ближе, я наконец разглядел светловолосую женщину. Женщину, провалившуюся в пол. Обеими ногами по самую талию. Она отчаянно пыталась вылезти оттуда, но у неё не получалось. Видимо, просто не хватало сил.

Первое, что меня поразило, было даже не *само это*. Не женщина в конце школьного коридора, по пояс провалившаяся в пол. Нет, далеко не это! А то, что отверстие в полу было ограждено ТРЕМЯ невысокими, но основательными металлическими перегородками с крупной табличкой: «**Осторожно. Ремонт пола**». Мне кажется, даже самый свихнувшийся гиперактивный первоклассник не угодил бы сюда. Я ещё в первый же день заметил этот ограждённый уголок. «*Пол там ремонтируют, – объяснила мне Регина Альфредовна. – Прогнил весь*». Чтобы сюда упасть, думал я теперь, нужно обладать просто невероятными способностями!

Но всё это моё замешательство на самом деле не продлилось и трёх секунд. Я тут же кинулся к женщине, безуспешно пытающейся справиться со своей проблемой с помощью слабых мышц, тихих стонов и учащённого дыхания. Она находилась в пол-оборота ко мне, а взгляд её метался туда-сюда, захватывая и область моего присутствия. Поэтому я без лишних слов присел на корточки и протянул к ней руки, чтобы приподнять за подмышки. Но только я коснулся её, произошло что-то очень странное. Женщина сильно вздрогнула, точно её окатили ведром холодной воды, и резко-опасливо оглянулась на меня.

В этот момент я увидел её глаза.

Доля секунды понадобилась, чтобы понять: *эти глаза не такие, как все*. Холодное бездонное пространство. Заглядывать в них было страшно и притягательно одновременно.

Женщина схватила меня за плечо. Затем стала щупать всю руку, будто проверяя, реален ли я. Это её, кажется, немного успокоило: она перестала испуганно озираться. Тогда я ещё раз протянул к ней руки, чтобы вытащить её.

Вот уж действительно беда.

Следом за мной прибежали классная руководительница, родители школьников, техничка и даже беременная Регина Альфредовна, выступавшая этим вечером на другом родительском собрании. Приехала «скорая», предположила перелом ноги и увезла светловолосую женщину с собой. Я наблюдал за всем этим и ни черта не понимал.

– Да даже при плохом зрении и освещении как можно было взять и угодить в эту дыру?

– Ты что, ничего не понял? – полушёпотом сказала мне Регина Альфредовна.

Я перевёл озадаченный взгляд на беспристрастное лицо школьного психолога.

– Она не видит, – произнесла Регина Альфредовна.

– В смысле?..

– Абсолютно слепая. Поэтому Илона никогда и не говорит ей о школьных собраниях. Стыдится. Это её единственное слабое место.

Илона... Та самая Митина.

Я ещё долго не мог поверить в случившееся. И не сразу заметил в отверстии, в которое провалилась женщина, белую палку. Трость. Я подошёл и взял её, но отдавать было поздно – «скорая» уже умчалась. Что же касается лично меня, только сейчас я осознал, что моей головной боли как не бывало. Очень странное происшествие и очень странная женщина.

Её глаза...

Вот почему они были настолько необычными. Они не впитывали ничего из мира реального, но в то же время в них было что-то необъяснимое. Тихое, но стойкое ощущение, будто через них зрит *нечто иное*.

...Так или иначе, выходило, что, когда я подбежал к ней, эта женщина меня совсем не видела. Не видела, кто вытащил её из логова прогнивших полов, поскольку её глаза, которые мне так запали в душу, были мёртвыми.

...•••

– Сходи к Митиным домой, – предложила мне через день Регина Альфредовна. – Узнаешь, как дела, заодно и трость занесёшь. Мне и самой было бы хорошо это сделать, но с завтрашнего дня ухожу в декрет – вон уже какой пузан у меня. Скоро будем рожать. Так что ты очень даже вовремя здесь оказался. К тому же какая там у тебя тема курсовой работы-то? Детско-родительские отношения? Как раз то, что нужно: пока будешь набираться опыта в этой сфере, а после окончания университета, возможно, устроишься в какую-нибудь школу.

– Нет уж, спасибо. Я не собираюсь работать школьным психологом, – ответил я, нисколько не боясь задеть чувства «присутствующих».

– Да откуда ж ты знаешь, что будет в будущем, – усмехнулась Регина Альфредовна. – Вдруг...

– Это даже не обсуждается. Я иду в другом направлении.

– Что, хочешь быть частным психологом? – улынулась она. – Консультировать олигархов и политиков? В общем, завтра я ухожу. А Митиной нужно заняться. Её нет в школе уже второй день. Телефон недоступен. Нужно узнать, что с ней, поговорить с её мамой. Её, кстати, зовут Анна Евгеньевна, запомни. Сходи к ним, посмотри обстановку в семье, они живут вдвоём. Понимаешь, я ведь потому и попросила тебя выступить на том собрании, что собралась в декрет и не успеваю со многими делами. А с этим классом не всё так просто под конец учебного года: многие не справляются с определёнными предметами, слабо выполняют домашние задания. Основная проблема – как ты сам говорил – мотивация. Так что дальше ты один. И самая большая трудность лежит, сам знаешь, на каком ученике.

– Митина... – медленно произнёс я.

«Ох, Митина, – подумал я. – Даже когда тебя нет рядом, ты умудряешься влиять на мою жизнь. Значит, уже второе сражение проиграно мной? Но как долго будет длиться эта война?»

– Подписи тебе поставят, я уже договорилась. Но будет это в конце. Ты уж доведи работу с этим классом хоть до какого-нибудь мало-мальского логического завершения, ладушки?

«Баранушки!» – хотел ответить я. Но промолчал. Как-то уж негоже спорить с беременными.

– Ладушки... – тяжело вздохнул я.

Прости, если излишне вдаюсь в какие-то подробности при описании событий. На самом деле так я лучше восстанавливаю в голове всю картину случившегося. Детали помогают вернуть ей целостность, её реальность...

Прошло уже почти полгода. И иногда мне кажется, что всего этого не было. Как будто всё, что со мной тогда происходило, – выдумка моего подсознания. Психоделический сон, выдаваемый за действительность. А может, всё так и было? Вернее, ничего не было?..

Тогда почему я рассказываю про эти необратимые перемены, ворвавшиеся в мою жизнь прошлым апрелем? Невероятно, как исказилось с тех пор моё чувство времени. Апрель... Как будто с тех пор прошло года два, не меньше.

Думаю, на сегодня достаточно. Спасибо, что выслушиваешь меня. Вернее, вычитываешь. Впрочем, не важно. Главное – ты со мной.

До скорого.

Глава 3. 704

Здравствуй.

Эту запись я хотел бы начать с небольшого предисловия. Сегодня под утро я видел сон. Эмоционально насыщенный и реалистичный. И прежде, чем продолжить свою историю, хочу рассказать именно о нём. Мне почему-то кажется, что всё это как-то связано и важно.

Итак, сон...

Я стёр весь город. Подчистую. И остался совсем один. Стою с кистью в руке в чёрном пространстве и пытаюсь нарисовать новый мир. Свой мир. Но не знаю, какую краску выбрать, с какой стороны подойти к первому мазку, что именно нарисовать?.. Я абсолютно не понимаю, каким должен быть мой мир.

Пока размышляю над всем этим, оказываюсь в другом месте. Передо мной высоченные сосны: густой лес, холодная тишина и тревожный туман. Замерев, я привыкаю какое-то время к новой обстановке и вдруг сквозь туманную завесу замечаю вдалеке что-то, начинающее приобретать очертания. Что-то очень большое, значимое и волшебное.

Я по-прежнему стою с кистью в руке, взглядываясь в нечто неопределённое впереди, и внезапно чувствую сильное желание приблизиться к нему. Ведь там, кажется... море.

Обрадовавшись этой неожиданной находке и надежде, делаю смелый шаг. Затем второй. Да, понимаю я. Сейчас я доберусь до него. Оно совсем рядом. Такое огромное и прекрасное!

Но уже через несколько шагов мои ноги почему-то теряют силу и намертво примерзают к холодной земле. Туман начинает странно обволакивать их, а затем постепенно и всего меня, точно смертоносно-разъедающая кислота. Я ощущаю усиливающийся физический дискомфорт и пытаюсь закричать, позвать на помощь, но не могу выдать и шёпота – что-то мешает проявить себя. Безднадёжно стараюсь вырваться из этого капкана отчаяния и бессилия, но чем сильнее стараюсь, тем глубже оседаю в нём.

Вдобавок что-то начинает тянуть меня вниз. Я опускаю взгляд и вижу, что земля проглатывает меня.

Мне не добраться до моря, обречённо понимаю я. И, бросив последний взгляд в его сторону... просыпаюсь.

Вот такой сон.

Когда я открыл глаза и оказался в своей комнате, он напомнил мне всё то, о чём я тебе рассказываю. Всё то, что происходило со мной полгода назад и, точно тряпина, утягивало в себя.

Тогда у меня словно не было ни единой возможности, ни одного крохотного шанса хоть как-то изменить направление. Я словно принадлежал Происходящему. Принадлежал и, как подчинённый определённой цепи элемент, следовал тому потоку событий, что понёс меня в квартиру Митиных тем солнечным апрельским воскресеньем...

Погода стояла отменная. Будто на улице и во всём мире расцветала Эпоха Жизни, наступал новый век – приятный, лёгкий и манящий своей многообещающей красотой. Снег на улицах исчезал, всходила трава, воздух теплел, обнажая разноцветье города.

Настроение в этот день тоже выдалось отличным. Я, как и всегда, расклеил объявления на положенной территории и, хотя весь перемазался клеем, ни капли не расстроился. В общезжитии слегка перекусил и уже в три часа дня отправился по указанному Региной Альфредовой адресу.

Серая невзрачная девятиэтажная малосемейка. От таких сразу же веет душной теснотой, антисанитарией и безысходностью.

Седьмой этаж. Длиннющий коридор. По обеим сторонам, точно паразитические наросты, двери. Я шагаю, вдыхая спёртый воздух. Тусклые лампочки освещают промежутки этого узкого туннеля. Двери, двери... везде двери. Мне нужна «704»-я. Вот и она...

Я остановился перед тёмно-коричневой деревянной границей чьего-то микромира, маркированного тремя цифрами. Вдохнув глубже и сжав крепче трость, я постучал. И стал всматриваться в глазок – бесполезный элемент мира слепых...

– Кто там? – раздался женский голос за дверью.

– Школьный психолог, – соврал я.

Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась, образовав маленькую щель. В ней возникли *глаза*. И хоть они были направлены не на меня, а, скорее, куда-то вниз, они снова рождали во мне смешанные чувства. Явную тревогу от какой-то странности, но странности – не коварной. Эти глаза словно говорили: «Да, мы необычные, возможно, даже слегка пугающие, но мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред, не волнуйся».

– Входите, – тихо произнесла Анна Евгеньевна.

Немного задержавшись у двери в раздумьях, я вошёл внутрь – и тут меня окатило сильнейшим чувством.

Вот здесь. Именно здесь я и должен был появиться. И именно здесь произойдёт что-то очень значимое в моей жизни.

По правде сказать, такие озарения бывали у меня крайне редко. Но сейчас я ощутил одно из них чрезвычайно ярко.

Анна Евгеньевна отступила на несколько шагов и рассеянно посмотрела на меня – вернее, направила лицо в мою сторону. По словам Регины Альфредовны, она не способна видеть и малейшего проблеска внешней реальности. И действительно... взгляд её беспокойно бегал, ни на чём не задерживаясь. Больше ни один объект в мире не мог его удержать. Абсолютно свободное от всего и обречённое зрение. Зрение, устремлённое в никуда. Ничто не имело сил увлечь его за собой. Цвета и формы вещей, людей, природы теперь существовали лишь в воображении этой женщины и больше не могли своим видом потревожить и заставить её сердце трепетать. Только внутренняя реальность, чёрное незыблемое небытие...

– Извините, у меня может быть не убрано, – еле слышно произнесла она.

– Пустяки, – улыбнулся я, скромно оглядывая помещение: как бы показывая, что для меня это совсем не проблема. И тут же вспомнил, что все мои невербальные приёмы в её мире попросту не существуют.

– Одно дело – когда *остальные* говорят «у меня не убрано», а другое дело – я. – Она чуть приспустила голову. – Впрочем, сами, наверное, сейчас всё поймёте.

– А Илона дома?

– А вы разве не знаете?.. Она ведь больше не живёт со мной. Переехала к подруге...

– Я не знал этого, – удивился я такому сообщению. Выходит, и Регина Альфредовна не знала, когда посылала меня сюда. Мне полагалось обязательно узнать о состоянии Илоны, пропустившей уже два дня учёбы.

– Она ушла ещё три месяца назад... – продолжала Анна Евгеньевна. – Поэтому я и сказала, что у меня может быть не убрано. Я ведь незрячая. У меня, может, тараканы по стенам бегают, а я этого и не вижу.

Странное дело. Наш диалог всё развивался, выходил на новые тематические витки, но сами мы ещё оставались в крохотной прихожей метр на полтора. Я по-прежнему стоял в кроссовках и с тросточкой в руках. И не то чтобы меня это коробило. Напротив. Просто обычно люди в проходе не застаиваются: сразу идут на кухню или в зал, – а мы как бы удовлетворились прихожей. И диалог наш от этого совсем не становился поверхностным, формальным, а,

наоборот, обретал странную глубину. Между нами устанавливался контакт. И, как мне казалось, довольно неплохой.

– Ну, тараканов я у вас пока не вижу, – оглядев стены, произнёс я, – а вот света здесь явно не хватает.

– Ах, да... Им-то я совсем не пользуюсь. Пожалуйста. У двери слева выключатель...

Я включил свет. Тёмная миниатюрная прихожая озарилась, обнажая новые детали. И, конечно, *саму* Анну Евгеньевну. Я бы дал ей около тридцати пяти. Довольно худая, маленькие плечики, впалые щёки и белая, как мел, кожа. Короткие, едва достающие до мочек ушей расчёпанные светлые волосы, чёрный свитер с высоким воротником и белые пижамные штаны. Правая ступня в гипсе, в руке костыль. Вот такая и была Анна Евгеньевна – мама Илоны.

Сам факт появления света, кажется, немного её смутил: она как-то съёжилась, на лице отразилась растерянность, голова снова приспустилась. Странная всё-таки женщина, подумал я. Ой, какая странная. Есть в ней что-то непонятно-настораживающее.

– Кто-нибудь в моём доме, – заговорила она со слабой усмешкой, – может забыть выключить свет, и он так и будет гореть до тех самых пор, пока кто-нибудь снова не придёт и не выключит его. Вы проходите в комнату, пожалуйста.

Я ей кивнул. Потом снова поймал себя на мысли, что кивок мой она видеть не могла. Сказал «угу» и, разувшись, прошёл через малюсенькую кухню-коробочку в единственную комнату. По размерам – как моя в общежитии. Незаправленный после сна раскладной диван, парочка неказистых деревянных табуреток, столик у окна со швейной машинкой, да телевизор на полу, накрытый тканью. Таковы микроноры в этом микромире. Мне, существу общажному, в общем-то к подобным пейзажам не привыкать.

Следом вошла Анна Евгеньевна. Я осмелился пристально посмотреть ей прямо в глаза. *Эти глаза*. Они не видят, но через них словно зрят *что-то иное*...

– Сегодня на улице солнечно, да? – спросила она.

– О, да... – ответил я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Сегодня просто замечательный день. Тепло и ясно. Ветерок, правда, гуляет. Но он такой, знаете... с ароматом настоящей весны, что ли.

– С ароматом Жизни, – вдруг произнесла она.

– Ага, – кивнул я, тихонько перекручивая во влажных ладонях трость. – Именно так.

На какое-то время я остался в комнате один: посмотрел несколько детских фотографий Илоны, лежавших на подоконнике, досконально изучил само окружение. Вскоре с небольшим подносом в одной руке вошла Анна Евгеньевна: несла две маленькие чашки, при этом удерживая костыль в другой руке. Я тут же ринулся к ней на помощь: «Давайте я». И, взяв у неё поднос, поставил его на столик, рядом со швейной машинкой.

– Вы, пожалуйста, присаживайтесь, куда вам удобно. И большое вам спасибо, что принесли трость.

Я снова зачем-то кивнул и присел на жёсткую табуретку возле того самого столика.

– Устроюсь здесь, – сообщил я.

– Хорошо, – ответила она и, положив на пол костыль, присела на диван. Правда, только Анна Евгеньевна опустила руку на поверхность дивана, губы её распахнулись, словно она обнаружила нечто ужасное. Тотчас же она принялась торопливо убирать постельное бельё.

– Вы меня простите, пожалуйста... Всё-таки гостей у меня почти никогда не бывает...

– Да ничего страшного, – сказал я искренне. – У Вас очень даже уютная квартира. Маленькая, но уютная.

– И правда, маленькая, – произнесла она, когда собрала постельное бельё. – В этом её преимущество для меня. Очень удобно. Уже выучила каждый сантиметр, все изгибы, пово-

роты... – И спустя несколько мгновений, убрав собранное бельё в сторонку, добавила: – О чём вы хотели поговорить?

Я откашлялся. Мне не хотелось сразу же начинать с новостей об отсутствии на уроках Илоны, о том, что никто в классе понятия не имеет, где она. Поэтому вынул из рюкзака несколько бумажных листов и коротко сказал:

– По поводу тестов Илоны.

– Она ничего не натворила?

– Да нет... не то чтобы натворила... Просто Вы же так и не смогли присутствовать на родительском собрании. А там я рассказывал о результатах тестирования всего класса.

– Илона не сообщила мне, что будет собрание... Понимаете, я ведь сама-то не выхожу из дома, но собрания посещаю с удовольствием. Мне интересно, как она учится. Порой это для меня единственная возможность оставаться в её жизни. Хотя что-то знать о том, что с ней происходит. Но только она безумно стыдится меня... Моей слепоты. Поэтому никогда и не говорит о собраниях – только бы другие родители меня снова не увидели.

– Она сама Вам это сказала?

– Нет. Но это и так понятно.

– Она к Вам вообще не приходит?

– Практически. Последний раз она приходила две с половиной недели назад. Сказала, что в школе собирают деньги. Я дала ей нужную сумму, но при этом уточнила, точно ли для школы? Может, ей просто нужны деньги для себя? Она так обозлилась на меня в этот момент, что даже бросила свои ключи передо мной на пол, сказав, что больше ноги её здесь не будет. После чего ушла. С тех пор не появлялась.

– Хм... – задумался я.

– А несколько дней назад мне позвонила её классная руководительница, спросила, почему собрание уже началось, а никого из родителей Илоны ещё нет. Я ответила, что снова ничего об этом не знала. И стала быстро собираться туда. Знаете, я ведь... очень торопилась... и... когда вошла в школу, не задумывалась ни о чём другом. Я и знать не знала, что в том конце коридора делают ремонт... – Анна Евгеньевна прикусила нижнюю губу, лицо её стало ещё напряжённее. – Так нелепо вышло...

Мной мгновенно стала овладевать жалость к этой женщине. Я молчал, не в состоянии вымолвить ни слова. Что можно сказать в такой ситуации, даже будучи психологом? *Слепая... Торопившаяся на собрание, о котором дочь даже не оповестила... И вот теперь – с переломом ноги.* А я сижу напротив неё и пытаюсь впаривать ей о каких-то тестах.

Всё моё существо категорически запротивилось воспроизводить информацию с листов, которые я держал в руках: очерчивать образ взбалмошной Илоны, рассказывать о её вызывающем поведении, слабой успеваемости. На это уже не было никаких сил.

– Вы принесли чай? – спросил я, взглянув на поднос.

– Ах, да... – спохватилась Анна Евгеньевна. – Но только это не чай, а какао. Надеюсь, вы не против? Вы не торопитесь?

– Да куда торопиться... Выходной день.

Я передал ей чашку, а вторую пристроил в своих ладонях.

– В школе, наверное, за всю неделю ой как устаёте, и выходные хочется провести для себя. А тут вам приходится носиться по домам учеников.

– Ну... – Я почесал затылок, подыскивая более правдивую ложь. – Такова работа школьного психолога. Ничего не поделаешь.

Она кивнула. Затем произнесла:

– Вы пейте, пожалуйста. Если захотите, можете сходить и налить себе ещё. Но за тараканов, которые могут объяться на кухне, я, опять же, не ручаюсь...

Я засмеялся.

Выглядела Анна Евгеньевна крайне изведённой жизнью, но росток юмора в ней ещё пробивался. Это свело меня с мыслью, что одна из немногих вещей в быту, которая может спасти человека у самой грани отчаяния, – это именно чувство юмора. Способность посмотреть со смехом на сложившуюся ситуацию, даже когда всё кажется трагичным и безвыходным.

– А теперь ответьте честно, – сказала Анна Евгеньевна. – Вы же не психолог, верно?

Я поперхнулся. Какао чуть не вылезло обратно, а лёгкая улыбка тут же сползла с моего лица.

– Э-э... не совсем... Ещё только учусь. Прохожу практику в школе Илоны...

– Я так и поняла. Это ведь были вы тогда, в коридоре?

Я промолчал, опустив глаза.

– Давайте договоримся сразу, – произнесла Анна Евгеньевна. – Когда вы входите в эту квартиру, всю свою ложь вы оставляете за порогом. Здесь – только честность. Я не могу видеть вашего лица, вашей внешности, ваших действий. И, получается, я полностью доверяюсь вам. Поэтому требую того же и от вас. Только честности. Если вы что-то говорите здесь – говорите это как есть. Никаких увиливаний, притворства и лжи. Если не хотите что-то говорить – тогда можно просто молчать. Это не возбраняется. Договорились?

– Хорошо... – произнёс я, чувствуя, что краснею.

И правда, как-то нехорошо ступать с ложью на устах на порог чужого дома – дома, который дружелюбно принимает тебя и угощает горячим какао.

– Простите меня.

– Не беспокойтесь. Я сразу поняла, что вы ещё учитесь.

– А как Вы поняли, что это был я тогда в коридоре?

– Ваш запах, – произнесла она. – Я сразу его узнала, как только вы вошли. У каждого человека он особенный.

– А какой у меня запах? – тихо спросил я.

– Это сложно описать... – сказала Анна Евгеньевна. – Он как бы о том, что вы перед самой развилкой.

– *Перед самой развилкой?..*

Некоторое время она задумчиво молчала.

– Люди, – произнесла она, наконец, – у которых в этой жизни уже ничего особенного не будет, никаких душевных потрясений, способных перевернуть жизнь с ног на голову, – у них один запах. У вас – ему противоположный. Как будто вас ожидают большие изменения. Внутренние. И развилка – больше не горизонтальная, а вертикальная. Поэтому тряска ожидается основательная. Но она необходима. Чтобы вытрясти всё старое, вычистив пространство для нового. Действительно, описывать это сложно... Я сама не до конца понимаю. Просто ощущаю это.

– Ого! – удивлённо улыбнулся я. – Ваше интерпретирование запахов крайне необычно. Зачастую, говоря о запахах, люди прибегают к формулировкам типа: резкий, острый, аппетитный, терпкий и так далее. А Вы же описываете его несколько иным путём... метафорически-психологическим.

– *Интерпретирование, формулировки...* – улыбнулась Анна Евгеньевна. – Сразу видно, что передо мной умный человек сидит!

– Научные словечки... – тоже чуть улыбнулся я. – Да-а, от них сложно отделаться, будучи студентом. Сейчас, с Вами, я ещё не так злоупотребляю, но обычно меня действительно заносит. Произнося их, я закрепляю в голове учебную терминологию. Хотя, если признаться, говоря вслух эти разные умные, звучащие слова везде и всюду, я, пожалуй, просто чувствую себя более компетентным психологом.

– С людьми нужно попроще, – сказала Анна Евгеньевна. И тепло улыбнулась.

– Попроще?

– Угу, – произнесла она, отпивая какао из голубой чашечки с золотым ободком. – Такие заумные словечки будут только отпугивать ваших будущих клиентов. Если вы, конечно, собираетесь работать по специальности и помогать людям.

– Это даже не обсуждается, – сказал я.

– М-м... – выговорила она в задумчивости, как бы взвешивая мои слова и выявляя в них процент искренности. Я знал, что искренности в этих словах хоть отбавляй.

– Так что было на собрании? – спросила Анна Евгеньевна.

Я вкратце рассказал о том, что запомнил: о новых денежных сборах на ремонт.

– Сколько же можно сдавать им на эти «ремонтные»? – пожаловалась Анна Евгеньевна.

Потом рассказал, что успеваемость Илоны оставляет желать лучшего. Что нужно бы подтянуть некоторые предметы, так как год завершается. Что на вопросы психологических тестов она порой вовсе не отвечает, а просто рисует на них всякие картинки – что, впрочем, тоже весьма диагностично. Хотя в её случае это, скорее, больше связано с её персональным отношением лично ко мне.

– А что именно рисует?

– Скажем так: картинки не самого пристойного характера, – мягко выдал я.

Анна Евгеньевна приспустила голову.

– В любом случае у них ведь сейчас такой возраст... гормоны, половое созревание... так ведь?

– Так-то да. Всё верно. Сейчас у них половое созревание должно быть в самом разгаре. У девушек всю растёт грудь и чрезвычайный интерес к своей внешности. А мальчишки вытягиваются в рост, прибавляют в массе и голоса их ломаются.

– У вас тоже так было в пятнадцать-шестнадцать лет?

– Не совсем, – ответил я, качая головой. – Я почему-то созрел долго. В том плане, что и рост у меня длительный период был невысок: на физкультуре всегда ошивался где-то в хвосте строя. И голос долго оставался каким-то детским, не мужским. Да и растительность на теле росла почему-то крайне медленно.

– Но сейчас ваш голос звучит очень даже красиво. И естественно.

– Да и ростом я в итоге вышел, – улыбнулся я. – Я к тому, что средние возрастные рамки созревания вроде бы и установлены, но, как ни крути, изменения всё равно у всех протекают по-разному. У меня вот только сейчас, в двадцать четыре года, стали волосы на подбородке появляться.

– Я очень признательна вам, что вы говорите откровенно... Рассказываете о себе очень личное. Это, наверняка, не так уж и просто.

– Вы абсолютно правы... Я раньше очень комплексовал из-за всего этого. Всё твоё мужское окружение взрослеет на глазах, становится выраженными самцами с усами и хрипло-привлекательными голосами, а ты остаёшься на прежнем уровне развития, чувствуя себя ребёнком, не сумевшим встроиться в общий для всех процесс физических изменений. Пожалуй, не самое приятное в жизни. Это, знаете ли, вызывает жуткое чувство отдалённости от других людей. Пожалуй, в какой-то мере это тоже повлияло на моё постепенное становление одиночкой.

– Вы одиночка?

– Признаться, ещё тот. Кажется, мировоззрением я так и не дозрел до своего возраста. Как ни посмотрю на ровесников, на их жизненные ценности и ориентиры, так тут же душу выворачивать начинает. Поэтому к взаимодействию с ними меня совсем не тянет. Да и вообще уже ни к кому не тянет.

– Не самое завидное положение для будущего психолога, – отметила Анна Евгеньевна.

– И не говорите, – добавил я.

Мы замолчали. Я медленно пил горячий какао.

– Любите какао? – спросил я, чтобы не затягивать наступившее молчание.

– Вы не представляете, насколько! Это моя слабость. Даже наоборот – моя сила. Готова пить его в любое время дня и ночи.

– Это интересно, – улыбнулся я. – А я вот практически и не встречал в своей жизни людей, которые бы, как Вы, так сильно любили этот напиток.

– На самом деле это Илона очень любила какао. Она всегда просила меня покупать его, вот я частенько и заходила за ним в магазин после работы. А дома мы вместе садились и пили. Но это было давно. Очень давно...

Анна Евгеньевна задумалась. Я тоже. Наверное, за толстым слоем того, что мы предпочитаем и любим, сияет какая-то особая тонкая прослойка, которая и сделала это столь дорогим и близким нашему сердцу.

– А что Илона? Как она последние дни? – спросила Анна Евгеньевна.

Обманывать и вилить я больше не имел права. Да и в этом отпала всякая необходимость. Анна Евгеньевна теперь знала, что я всего лишь студент. И знала даже про мой длительный период созревания. Очень необычно рассказывать кому-то другому такие вещи. Буквально щиплет что-то внутри: «Ты что творишь?! А ну прекращай раскрываться! Сейчас же остановись! Иначе будет больно! Люди ведь такие существа: воспользуются твоей открытостью и потом ударят в самое больное место! Закройся! Закройся сейчас же!»

– На следующий день, узнав, что Вы приходили на собрание и что с Вами там... случилась неприятность, Илона тут же сбежала с уроков. И до сих пор не появлялась.

– Стыдится... – На лице Анны Евгеньевны появилась болезненная ухмылка. – Она начала меня стыдиться с того самого момента, как я потеряла зрение. И где же она сейчас?..

– Я не знаю. Наверное, у подруги, как Вы и говорили. У Вас нет её номера? Потому что телефон Илоны недоступен.

– Нет. Илона не стала бы мне давать номер подруги. Да и у подруги ли она... ещё далеко не факт. Ей в голову может прийти всё что угодно.

В следующее мгновение я содрогнулся из-за истошного, нутропробирающего крика. Анна Евгеньевна, как и я, сразу же повернула голову на этот звук, доносившийся откуда-то из-за стены.

Детский крик.

Который через мгновение перетёк в рыдание. На его фоне появился взрослый мужской голос. Разобрать слова было невозможно, но затем последовал новый звук. И, пожалуй, страшнее, чем крик и рыдание.

Звук удара.

А после – опять крик с рыданиями.

Затем снова *удар*.

И вновь истошный вопль.

По интонации мужского голоса было понятно: грозно отчитывает. И каждая фраза завершалась громким ударом: то ли по лицу, то ли по другой части тела. Треск от удара был отчётливый и, без сомнений, жестокий. Будто били хлыстом.

– Постоянно это происходит... – едва слышно вымолвила Анна Евгеньевна. – Зверски наказывают ребёнка.

Последовал ещё удар. Вопль ребёнка беспрепятственно проникал в нашу маленькую комнату. Замерев, я вслушивался в эти ужасные звуки – не дыша и не в силах пошевелиться. Невероятно странные чувства заёрзали внутри меня. Крохотная квартира. В ней живёт слепая женщина со сломанной ногой. Дочь, прозябая в подростковой путанице, совсем не помогает ей. Соседи за стеной чуть ли не до смерти избивают ребёнка... Да ведь эта квартира – самая настоящая **ОБИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ!**

– А разве нельзя что-нибудь сделать? – спросил я неожиданно севшим голосом.

– Я уже пыталась... Ходила к ним, говорила, что нельзя так обращаться с ребёнком. Но они и слушать не стали. Сказали, что сами разберутся со своими семейными делами. Однажды я всё-таки осмелилась вызвать полицию. Однако, когда она прибыла, ребёнок ничего не сказал в сторону родителей – настолько они его запугали. На этом всё и закончилось.

Я напряжённо продолжал слушать звуки детского отчаяния, доносившегося из-за стены.

– Вам плохо? – вдруг спросила Анна Евгеньевна.

– Да... немного. Можно мне... в ванную комнату?

– Конечно! – обеспокоенно закивала она. – Идите!

Я встал, прошёл мимо Анны Евгеньевны и закрылся в ванной комнатке. Хотел открыть кран, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, но не успел – меня вырвало. Прямо в раковину. И очень громко. Из меня стала выплёскиваться тёмно-коричневая слизь от какао. И что-то ещё. Что-то бесцветное и неопределяемое, но ясно ощущаемое в желудке, когда я сидел там и слушал эти звуки...

Я включил воду по сильнее – чтобы Анна Евгеньевна ничего не услышала. Впрочем, она ведь не глухая... Из моих глаз брызнули слёзы: меня снова рвало. Будто какое-то существо свирепо дёргалось внутри меня, пытаюсь вырваться наружу через мою глотку. Чёрт подери, это ещё что такое?!

Это всё обитель человеческих страданий.

Именно здесь, в этой квартирке, – скопление всех душевных и физических терзаний. Здесь – центр всей человеческой боли. И во главе этой обители – слепая Анна Евгеньевна с костылём...

Спустя несколько минут я вернулся в комнату. Как же скверно всё получилось. Сначала солгал слепой женщине, излучавшей тёплое гостеприимство, а затем и вовсе облевал её раковину (хотя вроде и отмыл там всё после себя). М-да. Хоть шею себе сворачивай от стыда.

– Вы меня простите, пожалуйста, – сказал я, – но мне, наверное, лучше пойти. Что-то не очень хорошо себя чувствую. Давайте я приду в другой раз? Когда мне станет полегче. И мы с Вами поговорим об Илоне.

– А вас это не затруднит? – осторожно спросила Анна Евгеньевна.

– На период практики – никаких проблем. Пар сейчас нет, так что времени по вечерам хоть отбавляй.

– Тогда приходите. Я бы очень хотела поговорить с вами об Илоне. Вы теперь, пожалуй, единственная ниточка, связывающая нас... Когда придёте в следующий раз? Я хотела бы знать точно, чтобы быть готовой. А то сегодня у меня, как вы сами видели, всё запущено...

– М-м-м... – размышлял я вслух, надевая кроссовки. – Давайте послезавтра, что ли?

– Давайте, – сказала она, ступая с костылём в прихожую. – Буду вас ждать.

– До свидания, – сказал я, выключая за собой в прихожей свет и выходя в тускло озарённый коридор.

– До свидания, – тихо произнесла Анна Евгеньевна.

И дверь обители человеческих страданий закрылась.

Глава 4. Странный месяц апрель

Моя вторая встреча с Анной Евгеньевной не заставила себя ждать.

Во вторник, как и обычно, я сначала съездил в школу, а затем отправился расклеивать объявления. Завершив все дела, вернулся в общежитие, помылся, покушал и надел более-менее приличную одежду – чёрную рубашку с засученными рукавами и новые джинсы. Потом поймал себя на мысли: «Какая ей разница, в чём я?» Тем не менее, оставил всё как есть и в седьмом часу вечера сел в маршрутку. Спустя полчаса передо мной снова предстало блеклое девятиэтажное чистилище.

– Какая погода сегодня? – спросила Анна Евгеньевна, когда я вошёл в микроприхожую.

– Прохладно и дождливо. Кажется, первый в этом году дождь. Пока ещё не такой сильный, даже по-своему приятный.

– М-м... – задумчиво кивнула она.

– А не хотите прогуляться?

– Прогуляться? О, нет, что вы. Куда же я сейчас пойду?... Я ведь с гипсом... Это будет долго.

– И правда. Глупо было Вам это предлагать...

– Погулять было бы здорово, – улыбнулась она. – Но лучше не сегодня.

Мы устроились, как и в прошлый раз. Я сел у стола со швейной машинкой, она – на диване. В этот раз он был собран, да и вся комната выглядела более убранный. У меня были некоторые новости об Илоне. Первым делом начал с них.

Она вернулась на учёбу. За последние два дня не прогуляла ни одного урока, даже получила две четвёрки. Правда, пока ни с кем из одноклассников толком не общалась: тихонько сидит на своей задней парте и молчит. Если кто-нибудь к ней обращается, тут же бледнеет, напрягается в мгновение. Но когда понимает, что пришедшее к ней слово имеет отвлечённо-бытовой характер, сразу же заметно расслабляется.

– Она всегда такая, когда стыдится... – произнесла Анна Евгеньевна. – Уходит и затихает, чтобы только никто её не видел.

– Я, кстати, решил поговорить с ней. Вчера.

– Правда? И о чём же?

– О том, что она сейчас чувствует. О том, что все семьи – разные, и это совсем не значит, что какая-то из них хуже или лучше. Просто у всех свои особенности. И зачастую нужно учиться тому, как с этими особенностями жить.

– А что она?

– Да, собственно, ничего. Слушать меня не захотела. Всё было так: я попросил её задержаться после моего занятия, и, когда все ушли, она осталась. Я подумал, что это хороший знак. Но уже после нескольких моих слов она перебила меня и сказала, чтобы я не строил из себя крутого психолога, показала мне средний палец – и ушла. Впрочем, то, что она вообще решила остаться по моей просьбе, для меня уже огромное достижение, поверьте!

Анна Евгеньевна с улыбкой покачала головой:

– На самом деле она совсем не такая.

– Просто специфический возраст, – добавил я.

– Именно, – кивнула Анна Евгеньевна. И заметно призадумалась.

– После того, как я перестала видеть, – заговорила она спустя некоторое время, – я уже не могла быть прежней. И стала её раздражать. Всё время о чём-то просила: то принеси, с этим помоги. На первых порах она молчала: всё выполняла что ни попрошу. А потом однажды стала вспыльчивой, начала меня укорять. Когда я просила её погулять со мной, стала исчезать: якобы

торопится по важным делам. Тогда я ещё и не догадывалась, что моя дочь стыдится меня. Для их возраста ведь чрезвычайно важно, как ты выглядишь в глазах других...

– Есть такое, – согласился я.

Минута пронеслась в молчании. Изредка я поглядывал на ту самую стену. Пока что никаких звуков не было. Лишь дождь однообразно колотил по окну.

– А давно это случилось? Ваши глаза... – спросил я осторожно.

Анна Евгеньевна слегка приспустила голову.

– Около трёх лет назад.

– Как это произошло?

Она тяжело вздохнула.

– Вы знаете... я бы не хотела говорить об этом. Я просто не вижу – и всё. Давайте не будем думать о причинах. Сколько уже ни думай и ни говори, толку никакого. Это в прошлом. И ничего не вернуть и не исправить.

– Но ведь сейчас делают операции на глаза...

– Делают. Невероятно дорогие. Таких денег мне не сыскать. Нет на это никаких сил. Как и никакой гарантии, что это поможет.

– Понятно...

Снова замолчали. Я медленно пил горячий какао. Дождь за окном усиливался, тучи полностью заполнили небо.

– Если вы не против, я хотела бы у вас кое-что спросить, – сказала Анна Евгеньевна.

– Спрашивайте.

– Почему вы решили пойти учиться на психолога?

– О, это очень сложный вопрос...

– Но ведь должна же быть какая-то явная причина, почему вам захотелось помогать людям. Мне просто интересно, откуда он рождается, этот зов? – Невидящий взгляд Анны Евгеньевны был направлен на меня. – Может, у вас настолько чистое и доброе сердце, что вы всегда готовы поддерживать людей в самых сложных ситуациях? Или, возможно, при мысли, что вы можете помогать людям, вы просто чувствуете себя более хорошим и правильным человеком? Или, может, это дар свыше? Может, вы несёте что-то от Бога?

Я рассмеялся. Анна Евгеньевна, услышав это, тоже засмеялась мягким, неуверенным смехом. Её смех – чистый и дрожащий – был словно крошечный пучок света, проникающий сквозь толщу непроглядной тьмы – тьмы, что разверзлась сейчас за окном и окутывала всё это девятиэтажное панельное строение.

– Или, – продолжала Анна Евгеньевна, улыбаясь, – вы кому-то давным-давно не смогли помочь, а сейчас пытаетесь восполнить это? Может быть, даже пытаетесь помочь самому себе? Почему вы захотели стать психологом, скажите же мне?

Я потёр ладонью лицо, выжидая, когда сойдёт улыбка. Затем глубоко вздохнул.

– Вы знаете, мне много раз задавали этот вопрос. Вот и в школе на практике постоянно задают, в основном учителя. И всегда я отвечаю на него как-то расплывчато. Теперь, когда его задали Вы, я, кажется, готов ответить более полно... Стоит начать с того, что этот вопрос для меня самого был покрыт тайной долгое время. Нет, не потому что я после нескольких лет в техническом колледже, в который поступил после девятого класса, решил снова подать документы на авось-куда-прокатит. Получить высшее – не было главной целью. К моменту поступления я точно знал, что хочу стать психологом. Просто... сам ещё не до конца понимал, почему. Это сложно вербализировать... Снова мои заумные словечки, да? Не смейтесь... В общем, это сложно объяснить словами. Вот смотрите...

Например, если бы я кому-нибудь сказал, что... с самого раннего детства где-то в глубинах своей души чувствую *нечто особенное и странное*, а также категорически уверен (хоть и не имея никаких доказательств, что это *нечто особенное и странное* вообще существует),

что оно непременно является моим личным маяком, указывающим путь к чему-то Необъяснимо-Единственно-Правильному, в противовес тому, что видят всю жизнь мои глаза, – то кто-нибудь бы понял меня?

Анна Евгеньевна задумчиво промолчала.

– Если только смутно, – продолжил я. – И ещё, скорее всего, я бы просто поскуучнел для этого человека. Так уже часто бывало. Когда тяжело уразуметь, втолкать в свою устоявшуюся систему мышления что-то инородно-новое, то легче этот ментальный раздражитель просто как бы уничтожить – убрать из поля своего внимания. И тогда он умирает, переставая вызывать интерес. То есть я умираю для этого человека. И нет проблемы, непривычно мозолящей мозг.

Но вернёмся к началу. Почему психология? Потому что мне казалось, что она поможет мне разобраться в этом *странном чувстве*. Поможет понять, что же оно всё-таки значит и для чего мне дано. Поступая в университет, я надеялся, что психология поддержит меня в моих самокопаниях, подкинет дельных подсказок в тех или иных глубоких вопросах. Но всё, что мне приходится делать, это проводить математические расчёты никому не нужных личностных исследований. А мне всегда были интересны метафизические, околэзотерические, мистические и философские области психологии. А их в программу обучения практически не включают. Приходится всё это изучать самостоятельно. Поэтому практика в школе стала для меня сущим наказанием. Причём без изначального преступления! Наказывают ведь за что-то, а тут получилось, что просто так. Деваться некуда... Но, сказать по правде, я рад, что оказался в этой школе. Иначе не открыл бы для себя какао. Внезапно вкусный напиток. Я, кстати, после нашей первой встречи купил себе упаковку. В общежитии пью.

Лицо Анны Евгеньевны вновь озарила светлая улыбка.

– Очень интересно рассказываете. Слушать бы вас и слушать. Знаете... вот вы поведали мне о своей причине, и я её поняла. И вы для меня не стали ментальным раздражителем. И не умерли. И не поскуучнели. А наоборот.

– Я рад. А то я какао ещё не допил.

На улице зашумел ветер. Порывами он налетал на окно, словно проверяя его на прочность, а мы сидели и слушали этот звук. Он приятно очаровывал, даже гипнотизировал: холодное ненастье там – тёплое спокойствие здесь. Контраст своенравной погоды и безопасного уюта. В такие мгновения таинственность буквально зашкаливает во всём. Кажется, прикоснись пальцем к табуретке, так она тут же вспыхнет пламенем какой-то сакральной истины.

– Странный всё-таки месяц – апрель, – произнесла Анна Евгеньевна. – То солнце жаркое, то дожди с сильным ветром, ещё и снег бывает. Град, кстати, обещали на днях.

Это правда, подумал я. Очень странный. «И не только из-за погоды!» – хотел добавить я. Но что-то передумал.

...•••

Я не заметил, как прошёл час. За ним второй. В этой квартире время текло иначе. Оно жило по другим законам и порой представляло в шокирующем виде.

– Уже десять часов?! – ужаснулся я, взглянув на свой мобильник.

– А дождь всё не прекращается. Вы торопитесь?

– Да как бы нет... Просто, наверное, нехорошо так долго у Вас задерживаться. Вы же, наверняка, своими домашними делами хотите заняться.

– Да какие у меня дела! – произнесла Анна Евгеньевна, махнув рукой. – Вы ко мне пришли – вот вы и есть моё главное дело. Ваш приход – это целое событие в моей жизни. Когда я в прошлый раз сказала, что гостей у меня почти никогда не бывает, я слегка преувеличила. У меня их *вообще* никогда не бывает. Мне абсолютно не с кем поговорить. А таких собеседников, как вы, и не сыщешь больше. В этом уж я точно уверена.

Я не знал, что ответить.

– А ваша девушка? Она не будет волноваться, что вы где-то так поздно задерживаетесь?

– В этом городе у меня нет такого человека, который бы беспокоился, если я где-то задерживаюсь.

– М-м... – Анна Евгеньевна кивнула и на несколько мгновений затихла. Потом произнесла: – Но ведь будучи психологом, наверное, гораздо легче подобрать себе родственную душу?

– Знаете... я думаю, специальность тут ни при чём. Несомненно, ты начинаешь очень многое понимать в поведении людей. Но что касается твоих личных отношений, часто ты в них запутываешься больше, чем самый несведущий в психологии человек.

– Расскажите?

– Почему нет... – сказал я, сделав очередной глоток какао (это была уже третья чашка; благо, она была маленькая, так что перебрать я пока не успел, к тому же попивал крайне медленно). – Знаете, я вот вроде и не дурак. И не самый последний проходимец. Вроде и не самых уродливых черт. Но все те немногочисленные девушки, с которыми я когда-то был близок, сами обрывали наши отношения. Впрочем, наверное, что тут удивляться... Я ведь всё время почему-то думаю только о том, что хочу принести пользу всему человечеству. Ага. Сделать для него что-то очень важное. А о себе самом как-то и не думаю. А о тех, кто рядом со мной, – тем более. Поэтому, пожалуй, я всегда остаюсь один. Вдобавок... я понял, что когда мне нравятся какие-то девушки, мне нравятся не сами они как личности, как индивидуальности. Мне нравится – как бы это точнее выразиться... – *идеал*, стоящий за ними. Но до этого идеала, понятно, им никогда не достать. Ну... разве что кроме одной... последней.

– А как было с ней?

– Она преодолела порог моего идеала. Но сделала это другим путём. Она просто взяла и уничтожила его. Заставила посмотреть на это с иной стороны. Однако... я всё равно не смог сказать ей самого главного. О своих чувствах. И всё прекратилось само.

– Но почему?

– Понимаете... После всех прошлых отношений ты внутри словно затвердеваешь. И со временем начинаешь сторониться любых шорохов сердца. Любых шевелений, способных снова привести к той боли, которую ты не раз испытывал – боли, когда тебя бросают и оставляют одного. И хоть ты всегда и чувствовал себя одиночкой, но когда в тебе снова это подчёркивают, остаётся крайне болезненное послевкусие. Но последняя девушка... она была особенной. Не такая, как все предыдущие. Она была *для меня*. Словно сама Вселенная подарила мне её. Наше сближение не происходило так, как это бывает обычно – постепенно набирая обороты. Оно у нас *случилось*. Просто случилось.

– Как именно? – внимательно слушая, произнесла Анна Евгеньевна.

– Вначале я её возненавидел, – сказал я, почувствовав на своём лице ностальгическую усмешку. – Всем своим нутром. В нашей первичной переписке в соцсети она написала моё имя с маленькой буквы! Всё моё существо, пропитанное огромным количеством книг, передёрнуло от такого невежества. И ещё она не знала, что в русском языке существуют запятые и пробелы между словами. «Да уж, – подумал я тогда, – ну и деваха. И почему меня потянуло к ней, что я даже отважился написать ей?» После этого виртуального общения я разочаровался.

Но через две недели, каким-то неведомым мне стечением обстоятельств, она сидела у меня в общежитии. С холода мы решили зайти ко мне в комнату погреться (мой сосед как раз уехал на выходные домой). Я поставил чайник, второпях накрыл скромный стол из того, что залежалось в холодильнике, и отлучился в ванную комнату помыть руки. А когда вернулся, она уже сидела и намазывала квашеную капусту на шоколадное печенье и аппетитно всё это кушала. Да ещё с таким выражением лица, будто ест что-то совсем обыденное. Абсолютная естественность, которая просто в одну секунду разрушила все мои идеалы.

Именно в то мгновение меня ошеломила странная мысль. Я влюблён в неё. В эту невежду. В эту деваху, что не умеет ставить запятые и совсем не волнуется о них. Она даже не стала дожидаться, пока вскипит чайник. Пила заварку с молоком. Да с таким видом, что кипяток совсем и не нужен для чая. Набив рот, она удивлённо посмотрела на меня и виновато произнесла: «А в твоём мире разве так не делается?..»

Пожалуй, каждый меланхолик бессознательно хочет иметь рядом с собой свою собственную любимую дурочку, которая бы, как антипод, вытаскивала его из моря самокопаний и открывала ему другие грани реального мира...

Но однажды, как это у всех бывает, наши отношения дали трещину. По большей части – из-за моей закрытости. Я не говорил ей того, что должен был сказать. Не давал ей понять, что чувствую к ней. И со временем она словно начала холодеть ко мне. Хотя от меня просто требовался первый, уверенный шаг. Я прекрасно понимал, сделай я его, душа её тут же вспорхнёт, тут же отбросит все сомнения и будет только со мной. Она очень этого ждала.

Но я не сказал. Носил в себе эту тяжёлую грусть, сам же ею упиваясь и разъедаая себя изнутри. А потом не заметил, что стал совсем не таким, как раньше... Как мрачнеет сердце всё больше. Как нелепыми доводами пытаюсь оправдать и рационализировать свой поступок. Я уверен, она ждала меня очень долго. Ждала, когда я приду к ней. Когда сожму её руки и скажу: «Всё хорошо. Я с тобой». Но я не пришёл. Не сказал того, что должен был сказать. Не раскрыл своё сердце. Не позволил ему взять верх.

Теперь, когда смотрю на её страницу в соцсети, на её фотографии, на то, как она продолжает жить свою жизнь, внутри всё обливается болью. *Ведь у нас всё могло быть иначе.* В такие моменты я сую в уши наушники с грустной музыкой и отправляюсь шататься по городу – пока не устану. Пока не сведу на нет всю энергию, чтобы только не думать ни о чём. Вечером, когда уже солнце садится, я возвращаюсь, падаю на кровать и засыпаю. Только чтобы не чувствовать этой душевной боли.

– Печально всё это, – тихо произнесла Анна Евгеньевна.

– Да вся жизнь моя – какая-то сплошная печаль, – с усмешкой проговорил я. – Но я научился её прятать, закапывать глубже. Так, чтобы можно было просто дышать. Без резких движений. Просто дышать – и тихонько ползть от одного дня к другому.

– И думаете, это выход?

– Конечно, нет... Я понимаю, что нужно достать всё, что я закопал в себе. Да оно и само постоянно рвётся наружу. Порой, вот, иду по улице, как вдруг повеет тёплый ветерок, солнце живописно брызнет на всё вокруг – и я наполнюсь какой-то живой чистотой. Ощущением какой-то другой жизни. Светлой, прекрасной, доброй жизни! Которую я не прожил и словно бы навсегда упустил. Как некая пронзительная ностальгия по какой-то провороненной юности, пропитанной звёздами и безрассудной романтикой. И в этот самый миг что-то подступает к горлу... Делаю вид, будто что-то попало в глаз, и иду дальше. Дальше. И дальше. Куда-то в неизвестность. Главное – как можно дальше от этого чистого, но сокрушающего сердце чувства.

– Нужно пройти внутрь своей боли... – проговорила Анна Евгеньевна. – Только тогда станет легче.

– Да я и сам знаю! – издал я что-то похожее на нервный смешок и махнул рукой. – Психолог я, в конце концов, или кто?!

И вдруг случилось нечто непредвиденное.

«Ох, – подумал я, – как же мне повезло, что Анна Евгеньевна ничего не видит...»

– Вы плачете, – прошептала Анна Евгеньевна.

Я почему-то даже не удивился.

– А Вы всё-таки можете иногда видеть.

– Слёзы не нужно видеть... Когда человек плачет, даже воздух вокруг становится другим. Как будто из души плачущего начинает что-то выходить... какая-то особая энергия. Вот её я и чувствую сейчас.

– Вы сверхчувствительная. Можете воспринимать то, чего не могут другие.

– Угу. Кроме здоровенных дыр в школьных коридорах.

Я попытался рассмеяться, но слёзы стремительно покатались из глаз. Я не понимал, что происходит. Впрочем, здесь как раз всё было понятно. *Обитель человеческих страданий*. Это место с лёгкостью пробуждало глубинные переживания, заставляя душевные шестерни вращаться с утроенной силой.

Анна Евгеньевна вдруг подняла правую руку и медленно протянула её в мою сторону. Её ладонь повисла в воздухе, как бы пытаясь нащупать меня.

Она звала меня.

Чуть замешкавшись, я всё же поднялся и подошёл к дивану. Присев рядом с ней, приложил голову к её ладони. Её пальцы мягко погрузились в мои волосы. Пододвинувшись ещё ближе, я опустил голову ей на колени.

И заплакал.

– Плачьте... – зашептала Анна Евгеньевна, глядя меня по голове. – Плачьте, раз того просит душа. Пускай выговорится...

Слёзы текли, и я не мог остановиться. За окном, будто поддерживая мою печаль, шёл дождь. А Анна Евгеньевна всё шептала и шептала своим ласковым, проникновенным голосом:

– Пусть так, пусть...

...•••

Я приподнял веки.

Белая подушка. Мягкие лоскуты одеяла. Золотисто-оранжевая мякоть стекает по оконному стеклу. Она лежит рядом...

Неужели не сон? Неужели я и правда рыдал вчера у неё на коленях? А потом остался на всю ночь? Ну, конечно. Она ведь сама попросила меня, полусонного, разложить диван, чтобы мне было удобнее спать, а сама скромно легла на самый его краешек, повернувшись ко мне спиной и укрывшись лишь тоненьким пледом, благодушно предоставив мне всё одеяло. Ночью, на миг очнувшись и осознав всё это, я почувствовал глубокую заботу от её поступка. После чего тут же поделился с ней одеялом. Ощувив это, она шелохнулась, чуть повернулась ко мне на мгновение, как бы благодаря, и полностью укрылась одеялом, пропитанным моим теплом. Так мы и проспали до самого утра. Давно у меня не было такого крепкого и здорового сна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.